

УДК 821.161.1

ЭПИТАФИЯ И.Ф. АННЕНСКОГО: ОТГОЛОСКИ ТРАДИЦИИ

© 2011 А.С. Дубинская

Омский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 октября 2010 года

Аннотация: Производится жанровый анализ отдельных стихотворений Анненского, входящих в состав книги «Тихие песни». В ходе анализа выявляются эксплицитные и имплицитные признаки традиционной литературной эпитафии, обозначаются и рассматриваются ее варианты. Определяется степень новаторства Анненского в контексте данного жанра. Формулируется вывод о создании книжной «метаэпитафии».

Ключевые слова: Поэзия Анненского, литературная традиция, лирический жанр, эпитафия.

Abstract: The genre analysis of separate Annensky's poems, which are a part of the book "Quiet Songs", is produced. During the analysis explicit and implicit signs of the traditional literary epitaph are revealed, and its variants are designated and considered. The degree of Annensky's innovation is defined in a context of this genre. The conclusion about the creation of the book «metaepitaph» is formulated.

Key words: The Annensky's poetry, a literary tradition, a lyrical genre, an epitaph.

Традиционные литературные жанры, возникшие в довольно давние времена, как правило, не исчезают бесследно при переходе от одной исторической эпохи к другой. Подобно многим другим реалиям, они, взаимодействуя с «духом времени» и эволюционируя, периодически появляются в творчестве представителей разных литературных направлений. Но даже сильно видоизмененный жанр остается узнаваемым в сознании более или менее подготовленного читателя, т. к. ассоциативная память реципиента оказывается своеобразным связующим звеном между «культурами» разных времен. Так, стихотворения, написанные по законам античной эпитафии (пусть даже не в полной мере соответствующие канону), относительно часто встречаются на современных надгробиях. По справедливому замечанию Т.С. Царьковой, «правоммерно говорить об эпитафии классицизма, сентиментализма, романтизма, периода критического реализма и социалистического реализма, даже — эпитафии имажинизма» [6, 118]. Творчество поэтов серебряного века тоже не стало исключением. Их «культурная память» сыграла роль действенного

фактора развития поэтики различных течений и школ. И.Ф. Анненский проявил себя как один из наиболее активных поэтов — хранителей литературной традиции в широком смысле. Важно также отметить его знание и удивительную способность применения жанровых «кодексов» индивидуального творчества и общей поэтики разных веков: путь каждого представителя определенной эпохи — путь конкистадора, завоевывающего пространства культуры и населяющего эти пространства своими смыслами.

В данной статье анализируется ряд стихотворений, входящих в состав книги Анненского «Тихие песни», жанровая природа которых близка эпитафии. Отбор текстов осуществляется в основном по семантико-ситуационному и функциональному принципу соответствия/несоответствия особенностям жанра эпитафии: состояния и переживания лирического героя так или иначе связанные с чьей-либо смертью (возможна даже собственная смерть).

Возьмем, например, стихотворение «У гроба», название которого говорит само за себя. С одной стороны, перед нами текст, написанный в повествовательном ключе, что несколько отдаляет нас от лирического настроения:

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый...
[1, 56]

Сдругой — есть традиционный для эпитафии диалог, т. к. лирический герой задает вопрос:

Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица? [1, 56]

Конечно, вопрос этот риторический, да и не совсем понятно, кому он адресован, но, несомненно, он связан с покойным, а может быть, в воображении субъекта речи, даже от него исходит. Каковы жанровые особенности данного стихотворения? Как и любой другой жанр, эпитафия с течением времени претерпела ряд изменений. Так, «эпитафия XX века по сравнению с веком XIX гораздо больше говорит о восприятии смерти другого, чем о другом» [6, 73]. В рассматриваемом стихотворении переживания очевидны: *завбение, недоумение, ужас*. Остается понять, кто этот *другой*. Парадокс заключается в следующем: субъект здесь совпадает с объектом, автор и «персонаж» оказываются одним и тем же лицом:

В недоумении открыл я мертвеца...

Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
[1, 56]

Поэтому вместо ожидаемой грусти-скорби возникает чувство недоумения-ужаса: переживания другого рода, парадоксальные, абсурдные, но не менее сильные. Следовательно, стоит говорить уже не просто об эпитафии, а об автоэпитафии. Конечно, в русской литературе это не ново. Известен, например, иронический вариант самоэпитафии Вл. Соловьева, современника Анненского, «Владимир Соловьев лежит на месте этом...», но стихотворение Анненского звучит вполне серьезно и даже пугающе. Еще один традиционный элемент анализируемого жанра — напоминание читателю о том, что рано или поздно его тоже ожидает смерть. В стихотворении «У гроба» это тоже есть, но в иносказательном варианте, в виде своеобразного намека: *Смерть*, образ которой эксплицирован, «дверь после себя оставила открытой». Наряду с открытой дверью, обращаем внимание на образ часов: и то, и другое свидетельствует о неизбежности движения времени и постоянном чередовании жизни и смерти в реальности. Субъектная организация стихотворения как будто выносит лирического героя за пределы реального времени, позволяя ему извне наблюдать за круговоротом человеческого бытия.

Если в стихотворении «У гроба» наблюдается довольно странное соединение живой и неживой субстанций, то стихотворение «На пороге» с мистическим подзаголовком «Тринадцать строк» демонстрирует разграничение реального

и нереального мира, притом обозначен даже сам «разделитель» — смерть. Ее присутствие здесь очевидно, хотя в тексте нет ни одного слова с мортальной семантикой. Говоря о смерти, Анненский обходится иносказательными выражениями, используя местоимение «Она» и субстантиват «Незримая». Возможно, именно так герой справляется со страхом перед смертью или таким образом проявляется борьба со смертью. Не называя ее имени, он хочет остаться незамеченным ей. Казалось бы, здесь проступает фактор табуирования имени нечистой силы, характерный для фольклора и перешедший в литературу. Но вспоминается еще одно обстоятельство: то же, только с точностью до наоборот, мы видим в выборе псевдонима Анненского: «Тихие песни» вышли под псевдонимом Ник. Т-о, и реальное лицо автора какое-то время оставалось неизвестным. Но перевернутым оказывается не только прием «неназывания» объекта. Стихотворение о переходе человека, лирического героя в частности, из одного существования в другое оказывается жизнеутверждающим:

С тех пор Незримая, года

Мои сжигая без следа,

Желанье жить все жарче будит... [1, 57]

Возникает эффект смысловой оксюморонности: в стихотворении с общим смыслом неизбежности смерти употреблена в основном «жизненная» лексика: *дыханье, дохнула, древо-жизненным, желанье жить*. Но еще любопытнее финал стихотворения:

Но нас никто и никогда

Не примирит и не рассудит,

И верю: вновь за мной когда

Она придет — меня не будет [1, 57].

Характерный для жанра эпитафии образ прохожего в данном тексте появляется, но в необычном, даже призрачном виде. Проходящей мимо оказывается сама смерть, тогда как случайного человека нет, а предполагаемый покойник (лирический герой) исчезает вовсе. Можно было снова вести речь об автоэпитафии, но на лексико-семантическом уровне в стихотворении доминирует жизнь, а не смерть, которая в свою очередь совпадает с образом прохожего, традиционный диалог с которым тоже не может состояться ввиду отсутствия последнего. Закономерным становится следующий вывод: ассоциативная отсылка к эпитафии — не иллюзия, а очередной пример новаторства Анненского, само же стихотворение скорее следует определить как антиэпитафию.

Такое явление вполне закономерно, потому что, не будучи исключением, «эпитафия восприимчива к смене художественных стилей, она обновлялась, отражая идеи своего времени»

[6, 118], а время было переходное: рубеж веков, смена литературных направлений. Отсюда и вытекают мотивы границ, порогов, неопределенных состояний. Да и сам жанр эпитафии показателен с этой точки зрения. Т.С. Царькова противопоставляет реальную эпитафию литературной эпитафии, тогда как М. Гаспаров считает, что «надписи — одна из таких пограничных областей между литературой и не-литературой, между поэзией и прозой» [3, 182]. Естественно, творчество Анненского — литература, и это определено поэзия, но образ границы является здесь смысловой доминантой. Стихотворение «Под новой крышей» создает ощущение неизбежного перехода из прошлого в будущее, которое, по всей видимости, не предвещает ничего хорошего:

Не доделан новый кокон,
Точно трудные стихи:
Ни дверей, ни даже окон
Нет у пасынка стихий... [1, 65]

Образ нового дома позиционируется странным и несколько пугающим: метафора «кокон» говорит о безысходной замкнутости, которая усиливается отсутствием *дверей* и *окон*. Пространство дома ограничено лишь «мшистыми стенами», что вызывает следующие ассоциации: недостроенный дом — гроб, лирический герой — покойник (возможно, в будущем). Значит, мы имеем дело со своеобразной эпитафией будущему, которое имплицитно в образе дома и оказывается заведомо мертвым. Но читатель находится за пределами лирического пространства стихотворения, поэтому мы ясно слышим голос, обращающийся из уже прошедшего к еще не наступившему:

Схоронили пепелище
Лунной ночью в забвенье...
Здравствуй, правнуков жилище, —
И мое, и не мое! [1, 65]

Ощущение неопределенности воспринимается как ключевое в данном тексте и выражено сквозным для лирики Анненского мотивом «забвения» и непринадлежности конкретному времени, которое «и мое, и не мое» одновременно. Будущее еще не настало, а тоска по нему уже есть, но и это не случайно, ведь «эпитафия изначально была близка элегии (грусть по усопшему)» [4, 23]. Стоит отметить, что не все так трагично: есть еще тихий «ветер сонный» и «тихие думы», которые «льются в капельки чернил», а значит, может появиться тот прохожий, который будет способен воспринять и понять строки, созданные Анненским. Следовательно, жизнь продолжается и «Тихие песни» еще не спеты автором и не закрыты читателем.

Еще одно стихотворение, которое по некоторым показателям можно прямо или косвенно

отнести к эпитафии, — «С четырех сторон чаши». Субъектная организация здесь такова: лирический герой снова как бы вынесен за пределы текста и становится сторонним наблюдателем. Объект наблюдения — собственная жизнь, символизирующая существование не отдельного человека, а целого человечества. Стихотворение графически и семантически четко разделено на четыре части, в которых обозначены четыре жизненных этапа. Первый этап — детство, в период которого смысл жизни еще не может быть понят:

И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить... [1, 68]

Второй — молодость со своей быстротечностью и ветреностью:

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, на лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту [1, 68].

Существование каждого человека должно предполагать достижение какой-либо важной цели, будь то цель личная или глобального масштаба. Из текста мы видим, что в данном случае мечте об этой цели не дано осуществиться. Молодость неизбежно сменяется зрелостью — третьим этапом человеческой жизни. Но он тоже представляется бессмысленным, и лирический герой видит,

... что невозможно
Ни вернуться, ни забыть... [1, 68]

Последний, четвертый этап — старость, когда подводится итог всего прожитого, но в анализируемом стихотворении этого итога нет, т.к. все периоды были «пустыми» и подводить черту не под чем. Чаша, в которой не было ничего изначально, становится к финалу стихотворения «выпитой до дна». Возникает вопрос: если содержание эпитафии предполагает подведение итога чьей-либо жизни, то можно ли рассматривать данный текст с точки зрения принадлежности этому жанру? Ответ предполагается следующий: можно, потому что перед нами стихотворение нового времени, написанное на рубеже веков (точной даты написания мы знать не можем, т.к. Анненский ее не указал, а книга «Тихие песни» вышла в 1904 году). Именно в это время «в эпитафии появляется новая тема — бессмысленности жизни, вернее — ненайденного ее смысла. Эпитафии классицизма и романтизма и церковно-христианские эпитафии утверждали ценности земной и небесной — вечной — жизни. Человек начала века обнаруживает растерянность не только перед лицом смерти, но и перед лицом жизни» [6, 90]. А именно такую растерянность и даже тоску по невозможности жить по-другому показал автор стихотворения «С четырех сторон чаши».

Переживания и тоскливые размышления о прожитых днях и годах, как правило, провоцируют рождение философских мыслей. А где, как не в эпитафии (или похожем на нее стихотворении), их выразить? В связи с этим нельзя оставить без внимания стихотворение «Мухи как мысли» с подзаголовком «Памяти Апухтина». Название его представляет собой видоизмененную цитату из стихотворения А. Апухтина «Мухи», поэтому без обращения к оригиналу текста-предшественника полноценный анализ произведения Анненского невозможен.

А. Апухтин

Мухи

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:

Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!

Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,

Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,

Валится книга из рук, разговор упадет, бледнея...

Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:

Жалят, явят и кружатся над бедной моей головою!

Только прогонишь одну, а уж в сердце впи- лась другая, —

Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!

Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильней и больше...

Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь по- скорее! [5, 483]

И. Анненский

«Мухи как мысли»

(Памяти Апухтина)

Я устал от бессонниц и снов,

На глаза мои пряди нависли:

Я хотел бы отравой стихов

Одурманить несносные мысли.

Я хотел бы распутать узлы...

Неужели там только ошибки?

Поздней осенью мухи так злы,

Их холодные крылья так липки.

Мухи-мысли ползут, как во сне,

Вот бумагу покрыли, чернея...

О, как, мертвые, гадки оне...

Разорви их, сожги их скорее [1, 79].

Особенность стихотворения Анненского, прежде всего, состоит в том, что, посвящая эти строки Апухтину, поэт ни разу не говорит о нем самом. Место объекта, на первый взгляд, Анненский отдает мыслям-мухам, воцарившимся в стихе Апухтина. Но при более вдумчивом прочтении становится ясным, что написанное Анненским вполне могло быть произнесено умершим и обращено к читателю более позднего времени (читателю начала XX века и далее). Таким образом достигается эффект того, что «перекинут мостик из настоящего в вечность» [4, 23]. Ключевые образы, «слова-звезды», встречающиеся в обоих текстах, почти полностью совпадают: мысли, такие же гадкие и ненавистные, как мухи, окрашены в черный цвет — единственный в данных стихотворениях. В центре внимания — бессмысленность жизни. Но если у Апухтина жизнь характеризуется как «бесплодно в мечтах прожитая», его «мухи» еще «кружатся» и только провоцируют возникнове- ние мыслей о «вечной ночи», то «мухи-мысли», унаследованные Анненским, заведомо мертвы. Им даны крылья, но они холодные и липкие, что препятствует возможности полета. И здесь на первый план выступает пространственный смысл: «живое и действующее представлено вертикаль- но, мертвое и неподвижное — горизонтально» [2, 138]. Чувство страха или просто жуткое ощущение вызывает представление еще ползущих, но уже мертвых мух. Движение есть, но оно неживое, хотя и напирющее, как постоянное напоминание о неизбежности смерти. Если рассматривать стихотворение «Мухи как мысли» в аспекте жан- рового анализа эпитафии, то следует определить его как эпитафию в духе символизма. Поздняя осень, несомненно, ассоциируется с уходящей жизнью («прожитой» в тексте Апухтина). Интере- сно, что Апухтин мотивом бессмысленности жизни соединяет традиционно противоположные образы — день и ночь. День наполнен ненавист- ными мухами, ночь — черными мыслями, что на семантическом уровне оказывается одним и тем же. Анненский в свою очередь увеличивает масштабность выраженного Апухтиным, иден- тифицируя антонимы «сон» и «бессонница». Если бессонница (отсутствие сна) символизирует жизнь, а сон (отсылка к апухтинской мечте о «вечном сне») — смерть, то, сливаясь воедино, они создают образ трагического небытия. А именно это можно воспринимать как отражение духа эпохи безвременья.

В заключение остается сказать, что Апухтин как будто заложил своим стихотворением фунда- мент, предвещая создание Анненским текста-па- мятника. В итоге получилось двойное увековечи- вание «бесполезных» мыслей, которые, пользуясь словами Анненского, можно назвать «ненужными

строфами». Не отделяя рассмотренные стихотворения от контекста книги «Тихие песни», отметим, что прямое или косвенное упоминание о смерти есть везде, диалог (например, с читателем) даже если не эксплицирован, то хотя бы предполагается. Необходимую для анализируемого жанра установку на эпитафичность мы видим в последних строках стихотворения «Мухи как мысли», приведенного выше. Звучат они как просьба о полном уничтожении мыслей, что можно воспринимать как желание самоуничтожения. Следовательно, эпитафия у Анненского заключена не в отдельных стихотворениях, а в целой книге. Может быть, перед нами метаэпитафия «Тихим песням», которые не были оценены современниками, да и не должны быть такими (безликий псевдоним, «тихое» название, «невзрачный» эпитаф), хотя многое из них, возродившись, все-таки нашло свое отражение в «Кипарисовом ларце», более зрелой книге Анненского.

*Дубинская А.С.
Омский государственный педагогический университет.
Аспирант.
e-mail: abaille@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Б-ка поэта. Большая серия / И.Ф. Анненский. — Л., 1990. — 640 с.
2. Веселова В. Эпитафия — формульный жанр / В. Веселова // Вопросы литературы. — М., 2006. — № 2. — С. 133-145.
3. Гаспаров М. Голос культурной традиции / М. Гаспаров // Вопросы литературы. — М., 1991. — № 11/12. — С. 180-182.
4. Пронин В.А. Теория литературных жанров / В.А. Пронин. — М., 1999. — 195 с.
5. Тютчев Ф.И., Толстой А.К., Полонский Я.П., Апухтин А.Н. Избранное / Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой, Я.П. Полонский, А.Н. Апухтин. — М., 1984. — 576 с.
6. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика / Т.С. Царькова. — СПб., 1999. — 200 с.

*Dubinskaya A.S.
Omsk State Pedagogical University.
Post-graduate student.*